

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Серия «Психология»
2015. Т. 11. С. 62–72
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 159.99

Околосмертный опыт и трансформация личности

В. В. Козлов

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль
E-mail: kozlov@zi-kozlov*

Аннотация. В серии статей содержится описание представлений, установок, мифов в истории человечества и научных исследований феномена смерти. Говорится о психологических механизмах осмысления жизни через уроки смерти, духовные искания человека в процессе жизни через переживание состояния умирания.

Ключевые слова: феномен смерти, бессмертие, околосмертный опыт, духовный кризис, трансформация личности.

Зов и встреча

Наиболее мощно происходит инициация в смерть при переживании символической смерти. Конфронтация с проявлениями смерти – центральная часть процесса трансформации и объединяющий компонент многих психодуховных кризисов. Когда развитие кризиса подводит человека к максимально полному осознанию его смертности, чаще всего он начинает испытывать колоссальное сопротивление. Осознание своей смертности может истощить человека, не готового столкнуться с подобным аспектом реальности, но оно же может стать освобождающим для тех, кто в силу собственной зрелости или с помощью эмпирической терапии готов принять факт своей смертности.

Активация темы смерти в сознании человека всегда говорит о достаточной глубине кризисного процесса и, как следствие, о высоком трансформационном потенциале этих состояний. Тема смерти может быть активирована внешними событиями, связанными с разрушением привычных идентификаций: смертью друзей и близких, потерей привычного социального статуса, крупным материальным ущербом.

В других случаях процесс психологической смерти запускается при столкновении с ситуацией, потенциально опасной для жизни: тяжелой соматической болезнью, травмой, катастрофой, стихийным бедствием и др.

Одной из форм переживания символической смерти является характерное для многих кризисных состояний чувство утраты значения всего того, что ра-

нее составляло его жизнь, разрушения прежних привязанностей и освобождения от прежних ролей. Такие переживания могут сопровождаться глубокой тоской, и довольно часто депрессивные тенденции являются их спутниками. Самым ярким примером психодуховного кризиса, обладающим огромным трансформирующим влиянием на личность, является так называемый опыт смерти, или, как его еще называют, «опыт околосмертных переживаний», который характерен для людей, переживших клиническую смерть, и представляет собой переживание огромной интенсивности, выступающее мощным катализатором психодуховного развития человека.

Кеннет Ринг в статье «Околосмертный опыт» представляет опыт изучения трансформирующего влияния на человека околосмертного опыта. Паттерн изменений, трансформаций личности при этой ситуации имеет тенденцию к высокой позитивности духовного развития и роста. Рассматривались три широкие категории эффектов последствий:

- 1) изменения в Я-концепции и личностных ценностях;
- 2) изменения в религиозной и духовной ориентации;
- 3) изменения в психическом осознании.

На основе этого исследования выявили некий психологический портрет личности, пережившей околосмертный опыт.

Во-первых, что касается сферы личностных ценностей, то люди выходят из этого опыта с возросшим пониманием ценности жизни, причем это часто характеризуется не только большей отзывчивостью на ее естественную красоту, но и ярко выраженной тенденцией чутко внимать настоящему мгновению. Исчезает недовольство прошлым, как и озабоченность будущим. В результате люди могут более полно открыться навстречу жизни, происходящей здесь и сейчас, в настоящий момент, так что повышенное внимание к окружающему и свежесть восприятия становятся для них естественными. Они также в большей степени ценят самих себя, обладают большим чувством собственного достоинства вообще. В большинстве случаев это совсем не означает «раздувание Эго», а скорее подразумевает, что они становятся способными к своего рода принятию себя такими, каковы они есть.

Одним из наиболее очевидных изменений, возможно, является увеличение заботы о благе других. Это очень широкая и важная сфера, включающая множество различных аспектов. В целом это возрастание чувства терпимости, сострадания к другим и в особенности возрастание способности проявлять любовь.

Действительно, после околосмертного опыта люди придают особое значение всеобщей любви как первой ценности в жизни. Кроме того, они испытывают более сильное желание помогать другим, становятся более проникательными в отношении человеческих проблем и более понимающими других людей. Наконец, им свойственно безусловное принятие других.

Среди остальных ценностей наблюдается ясный и последовательный спад. Например, уменьшается важность материальных благ, успеха ради успеха, необходимости производить нужное впечатление. Усиливаются ценности, ориентированные на людей, тогда как заботы о материальном значительно уменьшаются.

Такие люди склонны к поискам более глубокого понимания жизни, в особенности ее религиозных и духовных аспектов. Они также стремятся к самопознанию.

Неудивительно, что далеко идущие последствия затрагивают и сферу религиозных и духовных перемен. В целом изменения тяготеют к особой форме, которую точнее всего описывает термин «универсализм».

Во-первых, эти люди склонны описывать себя более духовными, но при этом не обязательно более религиозными. Под этим подразумевается, что они пережили глубокие внутренние изменения в своем духовном самосознании, которые, однако, не сделали их более религиозными во внешнем поведении. Они признаются, например, что чувствуют себя гораздо ближе к Богу, чем прежде, но вместе с тем зачастую предают формальным внешним аспектам религиозного богослужения небольшое значение.

Во-вторых, околосмертный опыт приводит людей к вере в идею, известную исследователям в области сравнительного религиоведения как «трансцендентное единство религий» и означающую, что в основе всех величайших мировых религиозных традиций лежит единственное и общее для всех трансцендентное видение Божества.

Таким образом, исследования в области изучения влияния околосмертного опыта на трансформацию личности позволяют рассматривать околосмертный опыт как важнейший катализатор развития личности. В особенности это касается духовного пробуждения и роста человека благодаря способности околосмертного опыта вызывать трансцендентное состояние сознания, запускающее реализацию универсальной «внутренней программы» высших человеческих возможностей. Можно предположить, что в каждом из нас существует латентное ядро, которое начинает особым образом проявляться только при условии его активизации достаточно мощным стимулом. Околосмертный опыт, безусловно, может стимулировать радикальную духовную трансформацию в жизни человека, влияющую на Я-концепцию, отношение к другим, представление о мире и мировоззрение, а также на область психологического и психического функционирования.

Ярким примером, иллюстрирующим влияние и роль околосмертного опыта на трансформацию личности, может послужить известный (упоминаемый в биографиях) случай такого опыта, произошедшего с К.-Г. Юнгом.

В 1944 г. в возрасте 69 лет Юнг перенес сильный сердечный приступ, во время которого он пережил знаменательное трансперсональное видение.

В течение недель после этого Юнг постепенно выздоравливал: днем он был слаб и подавлен, а ночью просыпался около полуночи, переживая глубокий экстаз, чувствуя, что он плывет в благословенном мире. Могущественное видение длилось около часа, после чего он снова засыпал. После выздоровления для Юнга настал высокопродуктивный творческий период, когда он написал многие из своих наиболее значительных работ.

Пережитые состояния дали ему смелость сформулировать наиболее оригинальные идеи. Этот опыт также изменил его мировоззрение, приведя к глубоко положительному отношению к своей судьбе.

Странным образом мы должны отметить тот факт, что когда жизнь не может научить человека понимать духовные смыслы существования, то самым лучшим учителем оказывается опыт смерти, и при этом позитивное разрешение психодуховного кризиса смерти приводит личность к разрешению внутренней борьбы и страдания, к большей целостности, ощущению внутренних сил, энергии, к ощущению радости и красоты, которая окружает человека в его жизни. В этом случае психодуховный кризис встречи со смертью является исцеляющим в полном смысле этого слова.

Таким образом, если «Шепот Смерти» не слышит человек через голоса «малых смертей» обыденности и не проходит свою инициацию в смерть, то возможен «Зов Смерти», который уже не услышать невозможно.

И эта сакральная медитация в очи смерти уже никогда не проходит даром, и зов смерти откликается в человеческой душе благодатной тишиной знания и великого смирения.

Шаги к смерти

Из существующих четырех основных экзистенциальных проблем, связанных с так называемыми конечными данностями – смерть, свобода, одиночество, бессмысленность, – смерть (и страх смерти как неизбежно вытекающее переживание, чувство) является самой осознаваемой конечной данностью. Основной экзистенциальный конфликт любого человека – это противостояние между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить.

Но этот конфликт не является вечным спутником человека, так как человек приходит в мир и уходит из мира с ощущением своего бессмертия.

Личное бессмертие

Проблема конечности человеческого существования не задевает личность даже на первой стадии формирования характера (первые три года жизни), она приходит гораздо позднее.

Люди, как ни странно это звучит, рождаются бессмертными. Более того, если личность нормально развивается и нормально проходит стадию инволюции, то и уходит из жизни человек с идеей бессмертия.

Мы приходим из бессмертия и уходим в бессмертие.

Но у нас есть отрезок жизни, когда мы рождаем и проблематизируем смысл жизни через оппозицию к нашей смертности. Именно эта оппозиция, бинарность жизни и смерти, приводит человека к чувству абсурда бытия: раз ты умрешь, какой смысл жить?

Раз все исчезает, какой смысл творить?

Какой смысл в отношениях, если они обречены на смерть?

Эта бинарность – Космос Жизни и Хаос Смерти; реальность Жизни и сакральность Смерти – эта оппозиция реальности возникновения и тайны исчезновения зачастую лишает человека смысла жизни.

Смерть и идея смертности не все время сопровождают человеческую жизнь. Смертность и тварность человек переживает только тогда, когда чувствует боль, переживает кризис, непостоянство, болезнь, старость. В других ситуациях человек наполнен витальным оптимизмом, он не задумывается над своей смертностью.

Появившись бессмертным, во многих смыслах ребенок проживает бессмертным вечность, бессмертие в вечном бытии, потому что от рождения до раннего пубертата идея бессмертия является инвариантной, бессмертие воспринимается как данность жизни. Психологические механизмы того, почему ребенок считает себя бессмертным, объяснимы. От зачатия до формирования личности, формирования самосознания в эволюционном отношении проходят миллионы и миллионы лет.

У человека в детстве существует другое, качественно другое, чем у взрослого, субъективное переживание времени. Базовая особенность этого субъективного переживания времени – пребывание сознания в вечности. Время воспринимается как бесконечная длительность, поэтому детское сознание чувствует свою самость существующей в бесконечном времени, а это и есть то, что называется бессмертием.

Нельзя сказать, что жизнь не пытается сокрушить это внутреннее состояние бессмертия. Безусловно, ребенок сталкивается со смертью, например, со смертью животных, со смертью птиц, со смертью насекомых, иногда даже экспериментирует со смертью. Порою сталкивается со смертью родственников. Но у ребенка есть уверенность, что подобное хотя и может случиться с другими, но с ним никогда.

К пяти – семи годам в сознании ребенка формируется магия персонификации смерти. Он понимает, что смерть существует, считает, что, например, привидение является посланником смерти, поэтому привидений ребенок боится. Ребенок боится ночных кошмаров, потому что это тоже воспринимается как послание смерти, чего-то чрезвычайно чуждого и чуждого его существованию, его самости, живущей в вечности.

Эта персонификация смерти позволяет ребенку не связывать ее с собой вплоть до раннего пубертата, до возникновения самосознания, близкого к взрослому, когда ребенок уже может отождествить себя с взрослым человеком, с взрослыми фенотипическими качествами, внешними взрослыми показателями, т. е. до тех пор, пока мальчик не увидит себя мужчиной, а девочка не почувствует себя женщиной. К этому раннему пубертату человек уже начинает взаимодействовать с энергией смерти. В какой-то момент, с пяти – семи и до десяти – одиннадцати лет, ребенку кажется, что хотя смерть есть, но от смерти можно скрыться, ее можно обхитрить, ее можно победить, отпугнуть какими-то сакральными действиями, т. е. в его понимании существует некая тактика, техника взаимодействия с этой силой.

Эта инфантильная магия с персоной Смерти сокрушается в период пубертата. Хотя надо заметить, что все-таки есть люди, которые взрослеют, стареют и даже умирают, сохраняя это удивительное чувство, что со смертью можно

справиться. Существуют целые направления не только в восточных духовных традициях, но и в западных, в которых возможно бессмертие человека, в том числе бессмертие в теле. Внутри этих направлений всегда существует магия взаимодействия с персонифицированной энергией смерти. Однако люди, которые на всю жизнь застревают в магии бессмертия, достаточно редки. В средне-статистической норме человек в раннем пубертате начинает воспринимать себя смертным, принимает идею своей смертности.

Что касается рождения и детства, то переживание своего бессмертия является основой бытия, и во многих отношениях это продолжается вечность в субъективном восприятии времени.

Дело не только в том, что от зачатия до возникновения самосознания проходит филогенетическая «вечность», хотя и это является мощной основой бессмертия телесного сознания, которое является ядром индивидуального мироощущения ребенка. Раннее детство также связано с особым восприятием и оценкой времени, когда малые промежутки времени (час, сутки, неделя) воспринимаются по масштабам как месяцы и годы, а годы соизмеримы со столетиями.

Дети во многих смыслах приходят в индивидуальное личностное существование «из вечного бытия», и для них быть бессмертным является более реальным, чем смертным и тварным.

Логика инфантильного бессмертия остается безупречной даже при ярком эмпирическом осознании своей смертности (конечности) в шесть-семь лет, когда ребенок, как правило, впервые сталкивается с понятием «смерть», но не переносит это понятие на себя самого: «Люди и животные могут умирать, но я не умру». Это странное и наивное и могущественное «Все умирают, но я не умру» лежит в основе исключительной полноценности ребенка.

Устами младенца говорит истина, которую никак не может уже принять взрослый – «я бессмертен и свободен прямо сейчас».

И если дети до двух лет даже не мыслят смерть как нечто чуждое их природе и у них нет никакого представления о смерти, то между двумя и шестью годами у них развивается представление о том, что умирают не навсегда (сон, временное явление, смерть как отъезд, уход в другое место с явной возможностью прийти обратно).

В ранние школьные годы дети относятся к смерти как к чему-то внешнему: они персонифицируют ее либо с определенным объектом (например, с крестом в поле, привидением, с местом, где умер человек), либо идентифицируют с покойником, но при этом дети в этом возрасте считают собственную смерть маловероятной и невозможной – «другие умирают, но это меня не касается, все могут умереть, но не я»...

К концу своего бессмертия ребенок думает перебороть смерть, что разум, умение и ловкость позволят ему ее избежать, испугать, ударить ее, обойти или спрятаться от нее, так как она может быть персонифицирована.

Личностная инициация в Смерть, когда она становится реальной и окончательной достоверностью для самосознания, происходит к раннему пубертату. И в это время происходит инициация ребенка в мир взрослости и в том числе присоединение к концепции взрослых о смерти.

Для справедливости следует отметить, что подростки в большей степени, чем взрослые, склонны верить в бессмертие души. Наверное, это связано в основном с тем, что они недавно были бессмертными сами.

Смертные

В пике пубертатного кризиса (13–14 лет) возникает новый этап осознания смерти: «Все люди умирают, и я могу умереть». Именно в этот возрастной период собственная смертность становится для человека очевидной – бессмертное существо становится смертным и тварным, и, на наш взгляд, это основная трагедия подросткового возраста.

Я уверен, что именно инициация в смерть делает самосознание взрослым по содержанию.

Мы становимся взрослыми, когда приобретаем дар смертности.

Инициация в смерть в подростковом возрасте проходит катастрофично. Самая большая травма, которую человек переживает, это не травма отрыва от матери, это травма смертности, травма открытия завесы Смерти, понимание того, что все люди умирают и я тоже умру. Здесь есть стремительный разворот сознания, и в нем возможна активация предельного Космоса в человеке, предельная активация его созидательных сил, Эроса человеческого сознания. Идея смертности может стать порывом к личностному становлению, взрывом человеческой творческой, созидательной активности.

Духовный кризис инициации в смерть в подростковом возрасте имеет много векторов развития. Одной из крайностей может быть позитивная интеграция – торжество творческой энергии сознания: человек хочет управлять, контролировать и осмысливать жизнь, он строит планы своей жизни. Можно с уверенностью сказать, что те базовые планы, которые были заложены подростком на этом этапе, в которые была вложена энергия Эроса сознания, выступают затем базовым лейтмотивом его жизни. Соприкосновение со смертью может пробудить ту силу, ту жизненную энергию сознания, которая способна породить базовые смыслы, распаковывающиеся в течение всей последующей жизни сознанием человека. В своей отчужденности подросток осмысливает вечные вопросы духовного измерения: любовь, смысл существования человечества, смерть, творчество, свобода, одиночество, красота, благо... Это время подростково-философской интоксикации человека, когда умом владеют масштабные общебытийные проблемы. В это время структурируется то, над чем дальше будет думать человек, что будет занимать его ум, о чем будет болеть и радоваться сердце. Но в будущем эти проблемы могут разворачиваться по-разному, кто-то пойдет за движениями своей души, кто-то, наоборот, оставит прежние интересы.

Первая попытка обнаружения в самосознании своей миссии происходит через активацию Эроса сознания при столкновении с Танатосом, с энергией Смерти. Как звезда взрывается в холодном космосе бытия, так и столкновение человека с энергией темноты, с тайной смерти приводит к взрыву самосознания, к становлению Космоса человеческого сознания, к буйству Эроса сознания, в этой вспышке обнаруживается коан человеческой жизни, коан, которым

будет заниматься индивидуальное человеческое сознание в этом бытии, в этом существовании.

Ситуация позитивной интеграции кризиса смертности формирует демиургово качество человеческого сознания. Позитивная интеграция является пред-заложенной жизненной формой, из которой рождаются не только лейтмотивы проблем, занимающих человека в течение его взрослой жизни, но и местом, где рождается Поэт, где рождается Философ, где рождается Художник, где рождается Маг, ищущий Истину, местом, где начинается путь Героя. Само разворачивание позитивной интеграции в раннем пубертате является не только точкой активности самосознания, но и вектором развития позитивного, эвристического, творческого начала личности. Предпосылка самоактуализирующейся личности лежит в позитивном, интегрирующем разрешении инициации в Смерть, в конструктивной победе Эроса над Танатосом.

Самое удивительное в этой инициации, что она закладывает важные стратегии того, каким образом личность будет решать важные проблемы, которые очень трудно превозмочь.

Вторая крайность, которая может возникнуть при проживании кризиса смертности, – это гедонизм. Человек решает, что раз он умрет, то надо хотя бы насладиться жизнью, и юная личность бросается в свободное плавание за утехами жизни. Для многих людей эта стратегия тоже становится лейтмотивом жизни. В чем находит человек наслаждение жизнью: то ли в безделье, то ли в сексе, то ли в вине, то ли в наркотиках или в чем-то другом – не так уж важно. Важно то, что человек представляет жизнь как чашу, из которой можно пить нектар наслаждения, но этот нектар пьется лишь определенное время, а потом чаша опустошается, и человек умирает. Гедонистическая установка отличается в подростковом возрасте тем, что гедонизм, также как смерть, находится за пределами добра и зла. В этом гедонистическом максимализме есть предельная витальность и предельная отдача энергии наслаждения, тотальность человека, который обнаруживает себя перед лицом смерти.

Безусловно, есть и другие стратегии разрешения подросткового кризиса, часто в них угадываются установки первых двух. Случается, что личность выбирает медленную смерть. Например, наркотики или алкоголь – это частность суицидальных намерений человека, но в то же время эта стратегия увязана с гедонистическими установками.

Конечно, как выход из кризиса смертности возможна так же смерть Эго – человек уходит в социальное дно, становится бомжом, проституткой и т. п. Дети убегают из дома и уходят на дно, часто в буквальном смысле – они живут в подвалах, под мостами... т. е. происходит социальная смерть.

Возможно расщепление личности, ведь не случайно шизофрения называлась раньше *Dementia praecox* – раннее слабоумие. Возможно, то, что сознание и личность расщепляются, и является способом разрешения подросткового кризиса, человеческое сознание убегает от своей смертности в какие-то другие смыслы и содержания.

Однако самым тотальным способом разрешения пубертатного кризиса инициации является суицид – раз двери Смерти открыты, то незачем ждать... Что касается ситуации суицида, надо понимать, что человека никогда не гложет смерть, человека гложет страх, страх смерти, страх уничтожения, страх тайны смерти. Ничего более тайного, чем смерть, в нашей жизни нет. В пубертате есть максимализм, который делает этот страх чудовищем, пожирающим энергию жизни. И хотя энергия жизни огромна, глаза подростка во всем видят смерть, во всем для него звучит шепот смерти. Закат, падающий лист, осень с поникшей травой, затухающий костер – все шепчет о смерти, пока этот шепот не сольется и не станет громом смерти, когда подросток понимает тотально, что кроме смерти ничего и нет. И тогда страх смерти съедает его витальность, его энергию.

Следует заметить, что хотя в пубертате есть возможность и позитивной интеграции, и полной деструктивной дезинтеграции, крайние взмахи редки. Все возможное многообразие способов разрешения данного кризиса лежит между этими двумя крайностями.

Конечно, на наш взгляд, самая лучшая версия разрешения подросткового кризиса – это не только смирение перед смертью, не только принятие своей смертности, но и активация сознания.

Дальнейшего развития отношения к Смерти у личности может и не случиться. Будучи однажды иницированным в Смерть, человек в основном придерживается в дальнейшем той стратегии, которую он выбрал на этапе разрешения пубертатного кризиса.

Вне сомнения, свою смертность мы можем осознавать и в более ранний период жизни.

Моя личная инициация в смерть произошла очень рано. В глубоком детстве (было мне лет пять от роду), я воспринимал себя весьма взрослым и удивлялся тому, что никто этого не понимает – ни родители, ни мои братья и сестры. Единственная живая душа, которая со мной разговаривала, как будто я взрослый, была наша соседка – тетка Прасковья. Я чувствовал, что она меня понимает как большого, и это мне очень нравилось. Я претендовал на свое мнение, и она это воспринимала без смеха или юмора, вполне всерьез. Для меня это было чрезвычайно ценно.

В силу того что меня родители не воспринимали взрослым, то они свои разговоры и секреты не скрывали от меня. Они думали, что я ничего не понимаю. Так я услышал, что тетка Прасковья смертельно больна и у нее рак. Я не знал, что такое рак, но мне было страшно от того, что ее ели раки, я думал, что они мелкие. Потом тетка Прасковья исчезла на долгое (по моим представлениям) время, но затем появилась вся светящаяся от радости и при следующей встрече подарила мне коробку конфет.

До этого коробок с конфетами, тем более шоколадными, я не видел. При этом я понимал, что мне страшно повезло в жизни. Разговор наш был недолгим тогда, мне не терпелось попробовать диковинные конфеты. Мне было стыдно, но я их съел сразу, захлебываясь от наслаждения и нечаянной безумной радо-

сти, в сенях, в полумраке, при этом страшась, что кто-нибудь появится и отнимет. Мне повезло, я успел их съесть, а коробка осталась, пахнувшая шоколадом. Я ее не выбросил, сохранил до самой юности, хранил там свои драгоценности: карандаши, железные перья от ручек, наклейки на спичечные коробки, которые собирал...

Я даже сегодня не понимаю, почему она мне привезла эту коробку конфет. Не могла же она мне быть благодарной за какие-то душевные беседы или уважение. А может, она любила меня, такого маленького, но уже рассудительного и совсем взрослого... А может, ей нравилось, что я не плачу и все время спокоен...

Это было в мае 1963 г.

Затем я услышал, что случилось с Прасковьей.

У нас был большой новый дом, которым я гордился, а рядом с нами жила свекровь тетки Прасковьи, которую я боялся.

Я не знал, о чем они говорили возле ворот до этого, но я услышал конец разговора:

– Ну что тебе, Прасковья, – сказала свекровь, – ты же все равно умрешь скоро.

– Ну почему я, ты же старая, почему я? – тихо ответила ей тетка Прасковья.

Хоть и тихо сказала, чтобы никто не услышал, но я услышал – столько возмущения было в ее словах и правды.

И я не показал виду, что услышал.

Потому что мне тоже хотелось повторить ее слова.

Была свекровь женщиной злой и горбатой и морщинистой, как баба-яга, и настолько старой, что столько жить-то, по моим представлениям, было грех. Своей детской душой я думал, что по справедливости на земле должны жить только добрые и умные и красивые, как тетка Прасковья, и они уж точно не должны умирать.

Больше живой я тетку Прасковью не видел.

В деревне была традиция, чтобы около гроба стояли дети со свечками, чтобы своими ангельскими чистыми душами показывали дорогу в рай.

Я стоял первый и последний раз у гроба тетки Прасковьи. Я не верил, что она умерла.

Но в силу того что я считал ее близким человеком, я поехал рядом с ее гробом на телеге на кладбище, а затем смотрел, как гроб опустили и начали закапывать. Был очень солнечный и красивый день. И зелени было на кладбище много.

Потом я ушел домой пешком.

Один.

Затем помню, как лег на деревянный тротуар во дворе дома и впервые в своей жизни почувствовал тяжесть своего тела. До сих пор я не чувствовал этого.

И вдруг понял, что я тоже умру и меня положат в гроб и закопают в землю. Мысль была такая тяжелая, что я ее не вынес – заплакал.

И плакал несколько дней.

Никто меня не успокаивал.

Родители думали, что я горюю по тетке Прасковье.

Я плакал о своей смерти. Затем затих. Я решил все-таки разобраться с тем, что же такое смерть.

Если в старшем подростковом возрасте и в юности, и даже в первых порах взрослости в человеке есть инфантильное чувство по отношению к смерти: «Не скоро, не со мной», и даже смерть сверстников и людей помладше никак не могут поколебать эту уверенность, со мной было все по-другому, я чувствовал смерть рядом. И я точно уж знал, что могу умереть и что умру, – может, не завтра, но может, и завтра. И сначала мне было глубоко жаль тех, кто умирал раньше меня. Сначала директора школы, который умер, когда я был подростком. Это была очень торжественная смерть. Было много людей, и все говорили из сердца, что человек был хороший, и был оркестр духовой, и похоронный марш Ф. Шопена.

В тот момент я завидовал директору школы Александру Ивановичу, что вот как красиво его хоронят и как сильна может быть боль утраты, которую так искренне переживают множество людей. Такого я больше не встречал в своей жизни. Может, и правда, человек был такой хороший, или люди были такие искренние в силу своей простоты, или душа моя была открыта человеческим переживаниям.

Затем в юности я стал многословным по отношению к смерти и перестал ходить на похороны, обходил траурные процессии.

Near-Death Experience and Personality Transformation

V. V. Kozlov

Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. The series of papers presenting ideas, attitudes, and myths concerning death phenomenon in the history of mankind and scientific research. Psychological mechanisms of world understanding through death lessons are described. Person's lifetime spiritual quest through the experience of dying state is considered.

Keywords: death phenomenon, immortality, near-death experience, mental block, personality transformation

Козлов Владимир Васильевич

*доктор психологических наук, профессор;
президент*

*Ярославский государственный университет
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
Международная академия психологических
наук
150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, 9-2
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*

Kozlov Vladimir Vasilievich

*Doctor of Sciences (Psychology), Professor;
President*

*Yaroslavl State University
14, Sovetskaya st., Yaroslavl, 150000
International Academy of Psychological
Sciences
9-2, Pervomaiskaya st., Yaroslavl, 150000
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*